



Г.И. Данилина (Тюмень)
ORCID ID: 0000-0002-0100-0948

«НЕОФИЦИАЛЬНАЯ» ИСТОРИОГРАФИЯ В КНИГЕ ГЮНТЕРА ГРАССА «МОЕ СТОЛЕТИЕ»

Аннотация. Гюнтер Грасс противопоставлял свое изображение истории в романе «Мое столетие» «официальной историографии» («*schräg entgegengesetzt zur offiziellen Geschichtsschreibung*»). Цель работы – рассмотреть историографический дискурс в этом романе. Логика исследования заключается в следующем: сначала выявляются способы репрезентации исторического события, затем в центре внимания – статус рассказчика, и на заключительном этапе проанализированы взаимосвязи события и рассказчика в структуре нарратива. В результате проведенного анализа устанавливается, что в текст романа введены практически все крупные события немецкой истории XX в., происходившие в политике, экономике, культуре, при этом на первый план выведен отдельный небольшой эпизод, как правило, сугубо частный, тогда как само событие остается фактически скрытым. Эпизод маркирует событие, но не раскрывает его содержание и смысл. Между событиями нет внутренней, каузальной связи – их соединяет простое календарное перечисление дат и «пространственная рядоположенность» (термин А.В. Михайлова). Выявляется, что ракурс изображения события задают рассказчики, их около ста, и у каждого свой социальный статус, возраст, характер; и своя точка зрения на событие, причем все эти точки зрения знаменательным образом рассогласованы и не совпадают. Споры, ссоры, конфликты – повторяющийся сюжетный момент. Взаимосвязь события и рассказчика создается некоторыми структурными моментами. Во-первых, это ангажированность: среди рассказчиков нет посторонних и равнодушных лиц, наблюдателей со стороны – все они втянуты в происходящее и лично к нему причастны. Во-вторых, хронологическая организация нарратива: событие рассказывания включает несколько временных и пространственных планов, но осуществляется в конце 1990-х, и прошлое вступает с настоящим в живую актуальную связь. Основные выводы, к которым приходит автор статьи: дискурс истории в романе строится на последовательной деструкции метанарративности «официальной историографии»: картина прошлого не завершенная, а фрагментарная; представлена не одна (идеологически единая) точка зрения на историю, а множество – противоречивых и вместе с тем равноправных; к событию причастны не «великие» личности и имена, а каждый из современников этого события; к исторической ответственности тем самым также имеют отношение все; «официальная» историография продуцирует готовое знание и ориентирует читателя на его пассивное потребление; «неофициальная», напротив, выдвигает читателя в инициативный центр – ему самостоятельно предстоит достраивать картину истории, узнавать разные точки зрения и искать свою, определять свою причастность / не причастность к происходящему. В заключение отмечается своеобразие романа «Мое столетие» в ряду других романов Грасса.



Ключевые слова: Гюнтер Грасс; «Мое столетие»; историографический дискурс; событие; рассказчик.

G.I. Danilina (Tyumen)
ORCID ID: 0000-0002-0100-0948

“Non-Official” Historiography in Günter Grass’s “My Century”

Abstract. In his novel “My Century”, Günter Wilhelm Grass opposes his own portrayal of history to the so-called ‘official historiography’ (“schräg entgegengesetzt zur offiziellen Geschichtsschreibung”). The purpose of the present paper is to consider the historiographical discourse in this novel. The author’s logic comprises the following: firstly, to detect how a historical event is represented; secondly, to focus on the narrator’s status; finally, to analyze the interconnection between the event and the narrator in the narrative structure. The conducted research brings forward the following results. The text of the novel introduces almost all the major political, economic, and cultural events of the German history of the 20th century. It is important to point out that a separate small private episode is usually highlighted, while the main event is actually hidden. The episode marks the event without disclosing its contents and meaning. Next, there is no internal causal link between the events, they are connected by a simple listing of calendar dates and ‘spatial sequence’ (A.V. Mikhailov’s term). And it is observed that the image angle of the event is set by the narrators. There are about one hundred of them and each has their own social status, age, and character; and their own viewpoint of the event. All these viewpoints are deliberately mismatched and do not coincide. Disputes, quarrels, conflicts constitute a repetitive storyline. The interconnection between the event and the narrator is created by some architectonic features, such as, in the first place, the narrators’ preconception, as there are neither indifferent people nor outside observers, they all are dragged into what is happening and are personally involved in it; and in the second place, there is a chronotopic narrative organization where the event of narration includes several temporal and spatial outlooks, but is realized in the late 1990s. Thus, the past and the present intertwine into a live and actual connection. The author comes to the following results. The historical discourse in the novel is based on the consistent destruction of the meta-narrativity of ‘official historiography’: the picture of the past is not complete, but fragmentary; not only one viewpoint of history (ideologically unified) is presented, but a multitude of contradictory and at the same time, equal opinions; not the “great” personalities and names are involved in the event, but each of its contemporaries, which means that historical responsibility is also something that everyone has to deal with; “official” historiography produces ready-made knowledge and guides the reader to its passive consumption; in contrast with this, “non-official” historiography puts the reader in the initiative center, where the reader has to complete the picture of history independently, has to learn different points of view and search for his own, define his involvement / non-involvement in what is happening. In conclusion, the author notes the originality of “My Century” among other novels by Günter Grass.

Key words: Günter Wilhelm Grass; “My Century”; historiographic discourse; event; narrator.



История Германии стала для Гюнтера Грасса главной темой уже в первом романе «Жестяной барабан» (1959), а затем и во всех последующих: «Собачьи годы» (1963), «Палтус» (1977), «Крысиха» (1986), «Широкое поле» (1995). Книга «Мое столетие» (1999) [Grass 2002] занимает в этом ряду особое место как своего рода итог рецепции немецкой истории в творчестве писателя в целом.

В течение жизни Гюнтер Грасс активно откликался на все, что происходило в его стране и мире и деятельно сам участвовал во многих событиях; причем откликался и участвовал так, что это непременно расходилось с общепринятыми мнениями, официальной политикой правительства и государства. Так, в конфронтации с большинством своих современников он выступал против объединения Германии [Grass 1994], а публикация его романа «Широкое поле» вызвала амбивалентный общенациональный резонанс: «“Широкое поле” Г. Грасса превратилось из события литературной жизни в явление социокультурного и политического масштаба» [Потемина 2014, 76]. Одних лидеров он поддерживал, с другими жестоко спорил – и часто вопреки утвердившимся авторитетам и ценностям.

Цель, которую Грасс ставил в книге «Мое столетие», он охарактеризовал в одном из своих интервью: «...Наперекор официальной историографии (*schräg entgegengesetzt zur offiziellen Geschichtsschreibung*) писать об истории с точки зрения всех, кого она затронула, как жертв, так и палачей (*aus der Sicht der Betroffenen, der Opfer wie der Täter*)» [Buczek 2010, 164]. В чем же состоит его «неофициальная» версия немецкой истории и каким образом она высказывается? Чтобы ответить на эти вопросы, рассмотрим структуру нарратива и прежде всего статус события и рассказчика.

История Германии XX в. представлена в основных событиях, происходивших в разных сферах жизни страны – внутренней и международной политике, экономике, культуре. Это две мировые войны, революция 1918 г., разделение Германии, сооружение Стены и ее разрушение, объединение ФРГ и ГДР, развитие сталелитейной и горнорудной промышленности, транспортной системы; денежные реформы и создание индустрии развлечений, молодежные протестные движения, многие яркие события в сфере науки, культуры, спорта – все то, что задавало масштаб и составляло главное содержание истории века.

Впечатление исторической масштабности и полноты изображенного мира укрепляется и через географическую детализацию: картина событий полицентрична, все происходящее распределено по многим большим и малым немецким городам, северным и южным регионам, восточным и западным землям. При этом уже с первого рассказа о ихэтуаньском восстании (для его подавления восемь стран, включая Германию и Россию, направили в Китай соединенные войска) проявлены взаимосвязи Германии со странами Европы и мира – в конфликтах на Ближнем и Дальнем Востоке, кризисе в Персидском заливе, в современных миграционных процессах. Ушедший век тем самым воссоздается в полноте его событийного охвата,



и это пространственно объемная, фактографически насыщенная полнота.

Таким образом, выбор событий осуществляется, судя по всему, с исторически беспристрастной, условно объективной точки зрения. Об этом же свидетельствует композиционная организация текста: книга составлена из ста самостоятельных рассказов с названиями, данными по календарному принципу, от «1900» до «1999». Т.е. соединяет рассказы простая хронологическая последовательность лет, и в заголовках-датах подчеркнуто отсутствует смысловая подсказка, намек на ту или иную оценочную интерпретацию события.

Однако увидеть в книге «Мое столетие», при всем событийном богатстве ее содержания, именно *историю* Германии вряд ли удастся, поскольку сами события далеко не равнозначны по своему статусу и разновелики до парадоксальности. Крупные и общенациональные, такие как военные сражения («1914», «1942»), или атомные учения и противоатомные марши («1955»), экономическое чудо («1958») или падение Стены («1989»), соседствуют с совсем мелкими и исторически, казалось бы, совсем незначительными; это, например, вхождение в моду шляпы канотье («1902»), пожар на заводе грампластинок («1907») или занятия студенческого семинара («1967»). Контрастность изображаемого иногда разительна: с одной стороны, «битва народов» с сотнями тысяч жертв (напоминание о жертвах сражений под Лейпцигом в 1813 г. и под Верденом в 1884 г. в рассказах «1913» и «1984»), с другой – обыкновенный футбольный матч («1903») или даже пешая загородная прогулка некоей безымянной тещи с четырьмя зятьями («1973»).

Очевидно, что целостной картины истории тут нет, а есть, напротив, картина хаотичная и разорванная – по видимости случайный набор крупных и мелких эпизодов вперемежку, т.е. в том, что происходило в Германии в XX в., не проступает каузальной исторической связи. Создается впечатление, что события в книге Грасса соотносятся между собой лишь внешне, по принципу «пространственной рядоположности»: так А.В. Михайлов характеризовал особый принцип композиции произведения, когда историю понимают как «свод сведений» и «горизонтально-линейная взаимосвязь и последовательность целого» нарушается [Михайлов 1997 b, 128–129].

Предшественники Г. Грасса, как известно, писали о немецкой истории XX столетия совсем иначе; С. Цвейг («Вчерашний мир», 1942), Г. Манн («Обозрение века», 1945), Т. Манн («Германия и немцы», 1945) видели в истории смысловое целое, которое образуют крупные события, связанные причинно-следственными отношениями. У Грасса же события самые разные и логически не соотнесенные, т.е. смыслового единства в картине истории отчетливо нет. Кроме того, при всем множестве сюжетных ситуаций, основная их часть отсылает к войне («<...> была война, все время война с небольшими перерывами» [Грасс 2013, 342]) и воспринимается тем самым как повторение («<...> история начала повторяться» [Грасс 2013, 299]).



Речь о войне прямо или косвенно идет в большинстве рассказов. Это описания хода боя, ранений и смертей; вооружения – пушек, военных кораблей и подводных лодок; памятников жертвам и героям, военных учений. Даты, сюжетные подробности и технические детали различны, но суть происходящего – военная агрессия, расовая ненависть, политический террор – повторяются снова и снова, и потому штурмовики-антисемиты 1930-х и скинхеды 1990-х, террористы из группы «Консул» («1922») и «Красных бригад» («1972») по сути не отличаются друг от друга и представляют явления одного порядка.

Так, о трагических событиях «Хрустальной ночи» («1938») рассказывает школьница начала 1990-х, и это рассказ о том, как на уроке обсуждали историю современную – разрушение Стены. Учитель же начал с вопроса: «А вы знаете, что еще происходило в Германии девятого ноября? Ну, к примеру, ровно пятьдесят один год назад» [Грасс 2013, 124]. Учитель убежден, что в 1938 г. началось то, что потом привело к разделу Германии, и ученики, среди которых турецкие, иранские, курдские подростки, поняли злободневный смысл его слов.

Нельзя не увидеть, что в таком агрессивном нагромождении событий нет не только смысловой, концептуальной цельности, но и движения истории во времени; история как будто разрушилась – остановилась и топчется на месте.

Если в первой половине XX в. так «неконцептуально» писать об истории было не принято, то в последующую эпоху напротив: «<...> в последние десятилетия отношение историографии к феномену события стало проблемным, если не прямо отрицательным», и «сами историки со своими конкретными исследованиями отказались от исторической событийности» [Фрайзе 2011].

В литературоведении исследователи давно выявили, что отказ от больших исторических нарративов стал ключевой чертой постмодерна. Метанарратив – это своего рода аналог «официальной», т.е. телеологичной, историографии – например, как организованной последовательности великих событий прошлого, за которыми стоят великие личности (ср. у С. Цвейга: циклы «Звездные часы человечества», «Строители мира», 1927–1942). Картина истории в книге Грасса отвечает общему духу времени: «Политически активный гражданин Грасс солидаризуется с Грассом – художником в категорическом отвержении любых метанарративов» [Гладилин 2011, 84].

Отказу от метанарративов сопутствовали поиски нового литературного дискурса. «История, разумеется, не кончилась, но История с большой буквы, история-смыслоподательница, мать-история завершилась, богиня История умерла» [Макушинский 2011, 266] – цитирую эссе «Конец истории и конец Истории» А.А. Макушинского, известного современного автора («Пароход в Аргентину», 2014; «Город в долине», 2013). Он передает свое ощущение перемен в эссе «Двадцатый век»: «Закончился он или нет, ему – пора заканчиваться, злосчастному этому веку.<...> Пора заканчи-



вать этот век, пора уходить из-под власти его оценок, от обаяния его кумиров. Он создал свой пантеон, в котором нам чего делать. Другие, дальние времена снимаются со своих мест и подходят к нам вплотную» [Макушинский 2011, 19].

В ситуации «завершения Истории» Гюнтер Грасс ищет свой путь к новому типу исторического нарратива [Meyer-Gosau 1997], противостоящему построениям в духе Гегеля [Eschel 2002, 64] и *grand récits* [Schafi 2002], а также через изображение истории XX в. как «пространственной рядоположности» разрозненных и повторяющихся событий.

А.В. Михайлов отмечал, что этот принцип был сформулирован Э. Трунцем в исследованиях поздних текстов Гете, в которых «появляется композиционный стиль бессвязности, разобщенности – это означает, что на некотором уровне произведения синтаксис целого нарушается и что ожидаемая на таком уровне связь частей разрывается. Непосредственный, внешний, сюжетный интерес произведений ослабевает, а возрастать способен лишь внутренний, основанный на единстве личности, её взгляда на мир» [Михайлов 1997 а, 628].

При этом А.В. Михайлов считал, что «пространственное» восприятие истории присуще и современной культуре. «Новому осмыслению, мышлению истории, соответствует герменевтическое пространство, о котором можно сказать, что оно по своему замыслу – собирательное, или итоговое» [Михайлов 2001, 257], – отмечает он в начале 1990-х. – «Времена обретают иное измерение, на место развития как движения, оставляющего позади одно и достигающего нового, чего не было прежде, приходит новизна собирания всего бывшего как сущего для нас» [Михайлов 2006, 312]. Отсюда можно заключить, что акцент не на причинно-следственном, а на пространственном соположении событий означает усложнение связей между ними, поскольку это неявные, «герменевтические» связи, они имеют ассоциативный характер и уходят в подтекст.

В книге «Мое столетие» принцип «пространственной рядоположности» задает ассоциативную взаимосвязь событий на тематическом и хронологическом уровнях текста. Во-первых, все сюжетные ситуации распадаются на несколько больших тематических групп, поэтому каждое событие воспринимается не изолированно, а на фоне других, тематически сходных, и уже не выглядит хаотически случайным.

Кроме того, внутреннее соотнесение событий осуществляется и хронологически; организацию нарратива определяет принцип пространственно-временной дистанции. Как правило, собственно событие происходит значительно раньше, чем событие рассказывания о нем, и к хронологически главному моменту, определяющему тот или иной год, естественно подключаются другие, отличающиеся по сюжетной ситуации и составу участников, сюжетно отдаленные и с этим центральным событием внешне не связанные. Безусловно, в поле событийности входит и событие чтения – история столетия как некое целое потенциально воссоздается в



читательской рецепции.

Тем самым в каждом рассказе не одно, а сразу три события: для истории страны, для рассказчика и для слушателя-читателя, и они знаменательным образом не совпадают. Соответственно, возникает перспектива не одной, а нескольких версий истории Германии.

Так, в рассказе «1901» событие года – это открытие первой канатной дороги в Вуппертале, именно в 1901 г. Между тем, событием для рассказчика, любителя букинистических раритетов, стала покупка нескольких почтовых открыток (адресант – писательница Э. Ласкер-Шюлер), сделанная в 1940-е. Рассказывает же он об этих открытках в 1990-е, что намечает три разных способа репрезентации немецкой истории XX в.: в свете прогрессивного технологического развития; с точки зрения важных литературных и культурных событий; в социально-политическом аспекте: слово «Вупперталь» в подтексте отсылает к биографии Э. Ласкер-Шюлер (это место ее рождения), и отсюда для современного читателя актуализируется тема преследования евреев и холокоста.

Таким образом, принцип пространственной рядоположности направленно участвует в противодействии «официальной» историографии, ведь в ассоциативное тематическое поле могут войти все события без исключения, а не только те, что согласуются с официально утвержденной исторической концепцией. В противовес Грасс создает полиперспективный нарратив истории – на уровне и события, и рассказчика.

Рассказчиков в книге много, их около ста: у каждого календарного события свой рассказчик. Если событие охватывает несколько лет и соответственно разделяется на ряд календарных эпизодов, рассказчик все равно один и тот же. При этом действующих лиц обычно несколько, и у них может быть свой взгляд на вещи, не совпадающий со взглядами других персонажей, что делает картину событий еще более разноречивой и звучащей, по замечательному сравнению Ф. Нойхауза, как «концерт из множества голосов» [Neuhaus 2003, 330]. Отсюда очевидно, что история Германии предстает в книге не с одной, а со многих точек зрения, в полифонической [Kieffer 2002, 243] и полиперспективной рецепции: «Грасс не обвиняет и не выносит приговоров – он рассказывает» [Neuhaus 2003, 330], и монологизм исторического дискурса деконструируется изначально.

Принцип разноречия определяет и состав рассказчиков, неоднородный и контрастный. Рассказчики отличаются по возрасту, сословной и национальной принадлежности и общественному статусу, месту жительства и профессии: солдат-доброволец, кайзер Вильгельм, домохозяйка, шахтер, сотрудник городской администрации, мать семейства, летчик, продавщица, пекарь, пенсионерка, боксер, бизнесмен, школьник, гидротехник, заключенный концлагеря, мастер-стекольщик, стюардесса, университетский преподаватель и многие другие. Между собой их объединяет одна общая черта: никто не рассказывает о событии с чужих слов, все рассказчики лично видели происходившее, так или иначе были в него втянуты и им затронуты; все совершали какие-то поступки,



т.е. были непосредственными участниками события.

Поступки эти тоже очень разные, и представлены они в самом широком диапазоне, от командования армиями до сбора грибов, и в этом плане император Вильгельм («1911») и пожилая любительница телесериалов («1985») парадоксально уравнены. Каждый поступок, совершенный не только в государственной, но и в сугубо частной сфере, оказывается причастен к событиям по-настоящему важным и общезначимым: молодая мать организует помощь беженцам, жертвам кораблекрушений, сочинители политических куплетов высмеивают агрессивную политику правительства, студенты на литературном семинаре резко критикуют ангажированных интеллектуалов, пожилая женщина ведет своих родных на пешую прогулку – и это ее путь противодействия бензинового кризису.

Личная вовлеченность рассказчиков в происходящее видна и в яркой интонации их речи – гневной, восторженной, хвастливой, окрашенной ненавистью, изумлением, гордостью – но не безразличием. Как видим, именно поведенческий аспект, реальный поступок определяет статус рассказчика; события прошлого, таким образом, лишаются анонимности, и история столетия воссоздается множеством точек зрения, за каждой из которых стоит конкретный человек.

Репрезентативный момент для определения статуса рассказчиков состоит и в том, что точки зрения действующих лиц противостоят друг другу и не приходят к согласию; третья, «гармонизирующая» инстанция демонстративно отсутствует. Показателен в этом отношении рассказ «1928», где идет речь о семейных раздорах: ссорятся братья, ссорятся отец и сыновья, и причина разногласий – разные политические убеждения. Один из братьев «социал-демократ», второй «большевик», третий «стал настоящим маленьким наци» [Грасс 2013, 91-92], и найти согласие они неспособны. Рассказчиком выступает мать семейства, что дополнительно акцентирует драматизм происходящего, поскольку назвать правым кого-то одного и встать только на его сторону для нее невозможно.

О Первой мировой войне рассказывают знаменитые писатели Ремарк и Юнгер. У них общий фронтовой опыт – но весь цикл рассказов («1914» – «1918») строится не на близости, а на противопоставлении их точек зрения. Еще один показательный пример – рассказ «1970», в котором воссоздается известный эпизод поездки канцлера Брандта в Польшу. Канцлер встает на колени перед памятником жертвам холокоста, а сообщает об этом событии его непримиримый политический противник. Ф. Нойхауз называет этот эпизод «одним из самых впечатляющих» и указывает на «экстремальный контраст между рассказчиком и событием, формой и содержанием» («extremes Auseinanderfallen von Berichtendem und Bericht, von Form und Inhalt») [Neuhaus 2003, 328].

Таким образом, в отличие от «официальных» версий истории, выдвигающих на передний план великих исторических деятелей и обезличивающих большинство современников как «невеликих», историю столетия в книге Грасса сплетают голоса всех, и палачи и жертвы



сталкиваются в общем социальном и жизненном пространстве.

При этом одному из рассказчиков придан особый статус, закрепленный в первой же фразе книги: “Ich, ausgetauscht gegen mich, bin Jahr für Jahr dabeigewesen” [Grass 2002, 7]: «Я, подменяя себя самого собой самим, неизменно, из года в год при этом присутствовал» [Грасс 2013, 5]. Для этого вездесущего рассказчика нет границ в пространстве и времени, и главная его роль – лично находиться там, где происходит каждое описываемое событие на протяжении века. Этот момент личной причастности к происходящему исключительно важен, поскольку в нем фиксируется особая, участная позиция рассказчика по отношению к историческому прошлому. Ее можно выразить так: все, что происходило в Германии, касается и меня, все это имеет ко мне самому самое непосредственное отношение.

В этом вездесущем рассказчике узнается и сам автор книги [Platen 2006]: писатель включил в текст объемные автобиографические фрагменты, в которых он предстает не наблюдателем со стороны, вчуже рассуждающим об ушедших временах, а именно действующим лицом истории, реальным участником всего происходящего.

В «официальной» историографии, как подсказывают слова Грасса в цитировавшемся выше интервью, события прошлого излагаются, как в учебнике истории, только с одной, «официальной» точки зрения – «палачей» или жертв», в зависимости от того, кто находится у власти и определяет политику страны в настоящий момент. Отсюда будет осуществляться и отбор событий и имен. В «неофициальной» историографии, напротив, объединяются разнородные события и разноречивые точки зрения, и история века слагается поступками всех современников эпохи; соответственно, и личная ответственность лежит на каждом. Поэтому книга названа «*Mein Jahrhundert*» – «мое», а не «наше» или «их» столетие.

Движение к «неофициальной» историографии заметно уже в структуре первого романа Грасса «Жестяной барабан» (1959). «Неофициальность» точки зрения на немецкую историю XX в. можно увидеть здесь в том, что рассказчик акцентирует «ужас и хаос безобразия немецкой действительности середины XX столетия» [Корнилова 2012, 131]. Оскар Мацерат предпочел притвориться ребенком, чтобы спрятаться от «взрослой» жизни, Фонти («Широкое поле», 1997) избирает эмиграцию и навсегда покидает Германию. Варианты рассказчика, «убегающего» от истории, вытесняемого ею, можно увидеть и во многих других произведениях Грасса; участная позиция рассказчика выходит на первый план именно в книге «Мое столетие».

«Пространственный» статус события, разноголосица мнений рассказчиков и полицентричная структура нарратива манифестируют репрезентативный для Грасса тип исторического дискурса. Развернутый не в прошлое, а в настоящее, он вводит современного читателя в зону поступка, причастности к тому, что происходило в Германии вчера и что происходит сегодня.



ЛИТЕРАТУРА

1. Грасс Г. Мое столетие: роман / пер. с нем. и прим. С.Л. Фридлянд. СПб., 2013.
2. Гладилин Н.В. Становление и актуальное состояние литературы постмодернизма в странах немецкого языка (Германия, Австрия, Швейцария). М., 2011.
3. Корнилова Е.Н. Преображение канонической формы экфрасиса в романе Г. Грасса «Жестяной барабан» // Русская германистика: ежегодник Российского союза германистов. Т. 10. Сравнительно-сопоставительные подходы в германистике. М., 2012. С. 126–132.
4. Макушинский А.А. У пирамиды. Эссе. Статьи. Фрагменты. М., 2011.
5. Михайлов А.В. Вильгельм Дильтей и его школа // Михайлов А.В. Избранное. Историческая поэтика и герменевтика. СПб., 2006. С. 225–320.
6. (а) Михайлов А.В. Гете и поэзия Востока // Михайлов А.В. Языки культуры. М., 1997. С. 596–643.
7. Михайлов А.В. Несколько тезисов о теории литературы // Литературоведение как проблема / гл. ред. Т.А. Касаткина. М., 2001. С. 224–279.
8. (б) Михайлов А.В. Поэтика барокко: завершение риторической эпохи // Михайлов А.В. Языки культуры. М., 1997. С. 128–129.
9. Потемина М.С. Литературное поле Германии после объединения // Вестник Балтийского федерального университета. 2014. Вып. 2. С. 74–81.
10. Фрайзе М. Историография и событийность // Narratorium. 2011. № 1–2. URL: <http://narratorium.rggu.ru/article.html?id=2027589> (дата обращения 15.07.2018).
11. Grass G. Kurze Rede eines vaterlandslosen Gesellen // Vom Nullpunkt zur Wende. Deutschsprachige Literatur 1945–1990 / hrsg. von H. Kraus. Essen, 1994. S. 81–84.
12. Grass G. Mein Jahrhundert. München, 2002.
13. Buczek R. Kollektives Gedächtnis – subjektives Erinnern. Erinnerungen an das 20. Jahrhundert von Günter Grass in “Mein Jahrhundert“ // Günter Grass als Botschafter der Multikulturalität / hrsg. von M. Kucner. Fernwald, 2010. S. 161–173.
14. Eschel A. The Past Recaptured? Günter Grass’s *Mein Jahrhundert* and Alexander Kluge’s *Chronik der Gefühle*. Gegenwartsliteratur // Ein germanistisches Jahrbuch. A German Studies Yearbook. Herausgeber / ed. P.M. Lützeler. № 1. Tübingen, 2002. S. 63–86.
15. Kiefer S. Frühe Polemik und späte Differenzierung: Das Heidegger-Bild von Günter Grass in „Hundejahre“ (1963) und „Mein Jahrhundert“ (1999) // Weimarer Beiträge. 2002. № 2. S. 242–259.
16. Meyer-Gosau F. Ende der Geschichte. Günter Grass’ Roman „Ein weites Feld“ – drei Lehrstücke // Text+Kritik. 1997. Heft 1. Günter Grass. S. 3–18.
17. Neuhaus V. Günter Grass: Mein Jahrhundert // Romane des 20. Jahrhunderts. Bd. 3. Stuttgart, 2003. S. 320–332.



18. Platen E. „Ich, aufgetaucht gegen mich, bin Jahr für Jahr dabei gewesen“. Versuch über die Funktion des Autobiographischen und seiner Überschreitung in Günter Grass' „Mein Jahrhundert“ // Autobiographisches Schreiben in der deutschsprachigen Gegenwartsliteratur. Bd. 1: Grenzen der Identität und der Fiktionalität / hrsg. von U. Breuer und B. Sandberg. München, 2006. S. 291–305.

19. Schafi M. Narrative and History in G. Grasses *Mein Jahrhundert*. Gegenwartsliteratur // Ein germanistisches Jahrbuch 2002. Vol. 1. Tübingen, 2002. S. 39–62.

REFERENCES

(Articles from Scientific Journals)

1. Freise M. Istoriografiya i sobytiynost' [Historiography and Eventfulness] *Narratorium*, 2011, no. 1–2. Available at: <http://narratorium.rggu.ru/article.html?id=2027589> (accessed 15.07.2018). (In Russian).

2. Kiefer S. Frühe Polemik und späte Differenzierung: Das Heidegger-Bild von Günter Grass in „Hundejahre“ (1963) und „Mein Jahrhundert“ (1999). *Weimarer Beiträge*, 2002, no. 2, pp. 242–259. (In German).

3. Meyer-Gosau F. Ende der Geschichte. Günter Grass' Roman „Ein weites Feld“ – drei Lehrstücke. *Text+Kritik*, 1997, vol. 1: Günter Grass, pp. 3–18. (In German).

4. Potemina M.S. Literaturnoye pole Germanii posle ob'yedineniya [The Literary Field of Germany After the Reunification]. *Vestnik Baltiyskogo federal'nogo universiteta*, 2014, no. 2, pp. 74–81. (In Russian).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

5. Buczek R. Kollektives Gedächtnis – subjektives Erinnern. Erinnerungen an das 20. Jahrhundert von Günter Grass in „Mein Jahrhundert“. *Kucner M. (ed.). Günter Grass als Botschafter der Multikulturalität*. Fernwald, 2010, pp. 161–173. (In German).

6. Eschel A. The Past Recaptured? Günter Grass's *Mein Jahrhundert* and Alexander Kluge's *Chronik der Gefühle*. Gegenwartsliteratur. *Lützelers P.M. (ed.). Ein germanistisches Jahrbuch. A German Studies Yearbook*. Herausgeber. Tübingen, 2002, no. 1, pp. 63–86. (In English).

7. Kornilova E.N. Preobrazheniye kanonicheskoy formy ekfrasisa v romane G. Grassa „Zhestyanoy baraban“ [The Transformation of Canonical Ecphrasis in G. Grass' Novel „Tin Drum“]. *Russkaya germanistika: ezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov. Vol. 10. Sravnitel'no-sopostavitel'nyye podkhody v germanistike* [Russian Germanic Studies: The Yearbook of the Russian Union of Germanists. Vol. 10. Comparative and Contrastive Approaches in Germanistics]. Moscow, 2012, pp. 126–132. (In Russian).

8. (a) Mikhaylov A.V. Gete i poeziya Vostoka [Goethe and the Poetry of the Orient]. *Mikhaylov A.V. Yazyki kul'tury* [Languages of Culture]. Moscow, 1997,



pp. 596–643. (In Russian).

9. Mikhaylov A.V. Neskol'ko tezisov o teorii literatury [Several Points about Literary Theory]. *Kasatkina T.A. (ed.) Literaturovedeniye kak problema* [Literary Criticism as a Problem]. Moscow, 2001, pp. 224–279. (In Russian).

10. (b) Mikhaylov A.V. Poetika barokko: zaversheniye ritoricheskoy epokhi [The Poetics of Baroque: the End of Rhetorical Epoch]. *Mikhaylov A.V. Yazyki kul'tury* [Languages of Culture]. Moscow, 1997, pp. 112–175. (In Russian).

11. Mikhaylov A.V. Vil'gel'm Dil'tey i ego shkola [Wilhelm Dilthey and His School]. *Mikhaylov A.V. Izbrannoye. Istoricheskaya poetika i germeneytika* [Selected Works. The Historical Poetics and Hermeneutics]. Saint-Petersburg, 2006, pp. 225–320. (In Russian).

12. Neuhaus V. Günter Grass: Mein Jahrhundert. *Romane des 20. Jahrhunderts*. Vol. 3. Stuttgart, 2003, pp. 320–332. (In German).

13. Platen E. „Ich, aufgetaucht gegen mich, bin Jahr für Jahr dabei gewesen“. Versuch über die Funktion des Autobiographischen und seiner Überschreitung in Günter Grass' „Mein Jahrhundert“. *Breuer U., Sandberg B. (eds.). Autobiographisches Schreiben in der deutschsprachigen Gegenwartsliteratur*. Vol. 1: Grenzen der Identität und der Fiktionalität. Munich, 2006, pp. 291–305. (In German).

14. Schafi M. Narrative and History in G. Grasses *Mein Jahrhundert*. *Gegenwartsliteratur. Ein germanistisches Jahrbuch 2002*, Tübingen, 2002, vol. 1, pp. 39–62. (In English).

(Monographs)

15. Gladilin N.V. *Stanovleniye i aktual'noye sostoyaniye literatury postmodernizma v stranakh nemetskogo yazyka (Germaniya, Avstriya, Shveytsariya)* [Becoming and Actual Status of Postmodern Literature in German-speaking Europe (Germany, Austria, Switzerland)]. Moscow, 2011. (In Russian).

Данилина Галина Ивановна, Тюменский государственный университет.

Доктор филологических наук, доцент; профессор кафедры русской и зарубежной литературы. Научные интересы: немецкая и австрийская литература XX в., сравнительное литературоведение, историческая поэтика.

E-mail: Gdanilina@yandex.ru

Galina I. Danilina, Tyumen State University.

Doctor of Philology, Associate Professor; Professor at the Russian and Foreign Literature Department. Research interests: German and Austrian literature of the 20th century, comparative literary studies, historical poetics.

E-mail: Gdanilina@yandex.ru